

Любищев в линии жизни и в творчестве Рэма Георгиевича Баранцева

М. Д. Голубовский

доктор биологических наук, профессор, Университет Беркли.
США, Калифорния, г. Беркли. E-mail: mdgolub@gmail.com

Аннотация. Встреча Рэма Георгиевича Баранцева с Александром Александровичем Любищевым произошла в 1964 году в стенах Ленинградского университета. Случайная встреча на семинаре А. А. Любищева в ЛГУ обернулась многими годами сотрудничества, взаимного обогащения и дружбы. Под влиянием идей Любищева научные интересы Баранцева перешли из области решения задач к пространству методологии, выходям в гносеологию, за пределы чистой математики. Это позволяло ему утолять его врожденную духовную жажду и стремление к независимости. Впоследствии А. А. Любищев, отмечая чрезвычайную склонность Рэма Георгиевича к упорядоченности, честности и независимости в научном познании, назначил его одним из хранителей своего архива.

Ключевые слова: воспоминания, профессор Баранцев, профессор Любищев.

Имя биолога и философа Александра Александровича Любищева (1890–1972) стало широко известно после публикации в 1974 г. повести писателя Даниила Гранина «Эта странная жизнь». С Любищевым Гранин встречался, когда ученый, живший в Ульяновске, приезжал в Ленинград к своей дочери Евгении Александровне. Беседуя с ученым и читая его статьи, Гранин поразились диапазоном его знаний и собирався съездить к нему в Ульяновск. Но это не получилось, а в 1972 г. Любищев ушел из жизни. Однако писатель стал изучать архив Любищева, его дневники и богатое эпистолярное наследие.

В повести Гранина есть авторское признание: *«Вскоре я убедился, что не знал Любищева. То есть я знал, я встречался с ним, я понимал, что это человек редкий, но масштабов его личности я не подозревал. Со стыдом я признавался себе, что числил его чудачком, мудрым милым чудачком, и было горько, что упустил много возможностей быть с ним. <...> Диапазон его знаний трудно было определить. Заходила речь об английской монархии – он мог привести подробности царствования любого из английских королей; говорили о религии – выяснилось, что он хорошо знает Коран, Талмуд, историю папства, учение Лютера, идеи пифагорейцев. Он знал теорию комплексного переменного, экономику сельского хозяйства, социал-дарвинизм, античность и бог знает что еще. Это было не всезнанием, не начетничеством, не феноменом памяти».*

Наследие Любищева предстало перед писателем как контурами уходящего ввысь грандиозного недостроенного сооружения, его формы были странны и привлекательны. Чувствовался замысел, общая система миропонимания. Привлекала поразительная независимость суждений, еретичность. Будь то теория эволюции, взгляды Достоевского и Толстого или Нюрнбергский процесс. В стране с правящими идеологами воинствующего материализма Любищев относил себя к идеалистам в области онтологии и гносеологии, к последователю Платона. Он отрицал любые схемы «двух лагерей» (прогрессивный советский и реакционный-буржуазный и т. д.). Так, в статье «Мысли о Нюрнбергском процессе» (1965 г.) он сопоставлял Гитлера и Сталина, нацизм и советский режим, приходя к выводу: «Злостные преступники должны быть подвергнуты суду во всех странах, как побежденных, так и победивших. Это и будет логическим завершением Нюрнбергского процесса 1945 г. Пока это не будет сделано, пока побежденные будут рассматриваться как преступники, а победители – как чистые ангелы, всякие разговоры о разоружении, о предотвращении войн, борьбе с расизмом будут бесконечной и лицемерной болтовней» [8].

Физик, академик И. Е. Тамм, который был знаком с Любищевым с начала 20-х годов, со времен Таврического университета в Крыму, называл его научные письма непревзойденным образцом эпистолярного жанра. Эмбриолог Павел Григорьевич Светлов, самый близкий друг Любищева, полагал, что он занимает совершенно особое место в научном сообществе как основатель нового направления в систематике, знаток и глашатай математических методов в биологии, лидер оппозиции казенщине в философии.

Стиль творческого и жизненного поведения Любищева являл удивительную гармонию трех начал: рационального, эмоционального и интуитивного. Таких людей с библейских времен называют мудрецами. Они открыты к людям и всем потокам жизни. В одном из писем Любищева есть признание: «Я люблю трепаться и валять дурака» [3]. В своем генофонде он находил гены гиллариз-

ма (веселости) и оптимизма. Мудрость была и остается веселой, как сказано в притчах Соломона [5]. В стиле Любищева ярко воплощались свойственные ему «гены антидогматизма и интеллектуального загребенизма». Эта любищевская метафора действительно характеризует его необычный врожденный дар, о котором единодушно писали самые разные его корреспонденты.

Отказ примкнуть к какому-то стану был тайным жребием Любищева. Он отнюдь не делал из него секрета, следуя словам его любимого поэта А. К. Толстого: *«Не купленный никем, под чье б ни стал б я знамя / Пристрастной ревности друзей не в силах снести / Я знамени врага отстаивал бы честь»*. При этом его критический меч оставался добрым, лишенным мстительности и фанатизма, ибо главное – движение к истине, уважение, а не поражение оппонента.

Именно эти особенности стиля Любищева поразили меня, когда в начале 60-х годов я впервые познакомился с его критическими статьями о так называемой мичуринской биологии. Любищев с 1953 года открыто выступал в защиту гонимой обскурантом Лысенко классической генетики. Но при этом он не считал нужным скрывать свое несогласие с ней по ряду положений. Прежде всего претензий генетиков на полное описание явлений наследственности и на полное описание эволюции в генетико-селекционном дарвиновском русле. В 1966 г. я из Академгородка в Новосибирске приехал в Ульяновск к Любищеву. Читал его работы, знакомился с архивом. Попросил присылать мне копии его статей и писем и, в шутку, доверить звание «лорда-хранителя».

Сохранение духовной независимости Любищев считал главной позицией в жизни – «Платон мне друг, но Истина дороже». Искушение корпоративной этикой, когда пристрастная ревность друзей требовала не высказывать то, что идет вразрез с интересами группы или признанных лидеров и авторитетов, было трудным испытанием. Любищев выдержал его. В «Даре» Набоков раздумывает о несамостоятельности, «о пленении русской мысли, вечной даннице той или другой орды». Любищев сумел остаться вне всякой «орды» даже во время тотального господства советской парт-диктатуры.

Это необходимое введение поясняет, почему Рэм Георгиевич Баранцев с его врожденным стремлением к знаниям, свободному поиску истины, испытывал тягу к общению с Любищевым, чтению его статей, ходивших в основном в научном самиздате. Встреча с Любищевым произошла случайно в 1964 г., когда Баранцев в возрасте 33 лет, защитив докторскую диссертацию, находился на распутье. Любищев, вспоминая Рэм Георгиевич, «привлек меня мощью и свежестью мысли, грандиозной целью построения теоретической биологии на основе представления о гармонии и порядке в мире. Восхищал самостоятельный, независимый, свободный дух его исследований, предельная честность и щедрость в науке, уважение к инакомыслящим» [2].

В 1965 г. Рэм Георгиевич писал Любищеву: «Центральной для меня оказалась статья по философским аспектам таксономии... У меня для размышлений выделяются следующие проблемы: 1) Множественность естественных систематик; 2) Переход от детерминистской к вероятностной систематике, критерии не равноправны, их следует снабжать весами от 0 до 1; 3) Систематика самих критериев, в частности, антитез; 4) Дихотомия или трихотомия? В пользу первой говорит ее информативная оптимальность (без дополнительных условий), в пользу второй – гипотеза кварков в теории элементарных частиц и пр. Собираюсь поговорить с Павлом Григорьевичем Светловым о связи между различными уровнями организации... Какую роль играет ограниченность нашего моделирования на микроуровне? Имеют ли специфические законы высоких уровней организации свою микроструктуру, тоже проходящую через различные уровни (и в этом смысле к ним сводятся), или на каждом уровне есть свои кванты?» [3].

В 1970 г. Баранцев организовал для математиков семинар по общей теории систем и рассказал о статьях Любищева о философских аспектах таксономии: «В заключение сформулировал некоторые вопросы, выделившиеся для размышлений на собственном (математическом и физическом) материале: 1) Естественная система, существование и единственность. 2) Форма системы, необходимость конкретизации функционального подхода. 3) Элементы структуры, дихотомия и информация, суперпозиции, триады, аналогии в кинетике. 4) Переход к вероятностной систематике, критерии с весами. 5) Систематизация систематик, системы критериев, антитез и пр. 6) Систематика в методологии: разделение переменных, метод представлений, асимптотология. Ваши работы – прекрасный источник ассоциаций и катализатор размышлений» [2].

В ответ Любищев признался (29.11.70): «Я получил огромное удовольствие, получив Ваше письмо. Думал, что Вы развиваете что-либо по биометрии. Но вижу, что Вы биометрии практически не касались, а коснулись общей теории систем и тут, видимо, поняли как следует и развили дальше многие наиболее ценные для меня идеи» [2].

Размышления над проблемами систематики в биологии, общими принципами систематики в разных науках и с методологией и философией познания привели Баранцева к возможности выделения в 1980 г. особой ветви знания – семиодинамики. Ее предмет был определен как поиск зако-

номерностей возникновения, развития и отмирания естественных целостных систем в их знаковом представлении. Как оказалось позднее, семиодинамика по существу предстала предтечей другой области знания – синергетики. В общем виде она определяется как анализ возникновения, жизни и распада целостных иерархических самоорганизующихся структур [4; 9].

Элементарная компонента в семиодинамике, по Баранцеву, – это познавательная триада: Рацио-, Интуицио-, Эмоцио-. Триада отражает способность человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами. Она может быть преобразована в разные воплощения. Например, «часть – структура – целое» (свойства целого постигаются интуитивно). Или «анализ – качество – субстанция». Разные аспекты социальной активности человека можно воспринимать в рамках целостной триады «дело – движение – дух». Гармония достигается равновеликим соответствием трех граней триады.

Триадный подход к науке, философии и жизни включает аспект неопределенности игры. Баранцев отмечал в статье «Динамика как путь к синтезу», что триаде свойственно быть размытой, не жесткой. Это ответ на частый вопрос о гранях триады: почему так или иначе? Баранцев следовал здесь высказыванию философа Анри Бергсона «Действительность есть вечное становление, поток, порыв, изменение, творчество, насилуемое формами мышления». Можно напомнить и выражение известного генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского: «В науке следует избегать “звериной серьезности”».

В 1970 г. Любищев писал Рэму Георгиевичу: «Такой исключительный интерес к защищаемым мной идеям оказался мне довольно неожиданным и тем более приятным. У меня много друзей и лиц, мне сочувствующих, но активных проводников, вполне понимающих, очень мало, а таких активных, как Вы, почти нет. Другого такого я могу назвать в лице Юлия Анатольевича Шрейдера. Он работает по математической лингвистике в ВИНТИ и продвинул мои “философские аспекты” под названием “О реальности таксономических категорий”, приписывая мне то, о чем я и не догадывался. Будете в Москве, очень рекомендую с ним познакомиться. Третьей фигурой является известный Вам Ю. И. Кулаков. Есть еще тоже в Новосибирске С. В. Макаров. Чего я совсем не ожидал, так это того, что наиболее активных моих друзей я найду среди математиков и физиков, а не среди биологов... Теперь о месте хранения моих работ. Вы по Ленинграду у меня лорд-хранитель (по выражению одного новосибирца)... Я давно думал, а сейчас укрепился в своем мнении, что Вас я считаю в случае смерти (возможно, недалекой) моим душеприказчиком, стоящим в самом первом ряду претендентов на получение моего архива (довольно значительного). К таким идейно мне особенно близким людям я отношу (исключая лиц, мне близких по возрасту, так как в силу своего возраста они не являются надежными душеприказчиками) Юлия Анатольевича Шрейдера в Москве и Михаила Давидовича Голубовского в Новосибирске» [2].

Я познакомился лично с Баранцевым в 1969 г. Он несколько раз приезжал в Академгородок как оппонент диссертаций в области механики и прикладной математики. О нашей встрече он сообщил Любичеву: «В Новосибирске познакомился с М. Д. Голубовским. У него на стене два портрета: Эйнштейна и Ваш. Снимок, сделанный им в Ульяновске. Выразительный. Обещал привезти мне экземпляр, когда поедет в Ленинград» [3].

То, что Любищев выбрал именно Рэма Георгиевича своим душеприказчиком, оказалось абсолютно правильным решением. Именно благодаря целеустремленности, удивительной собранности и организационному таланту Баранцева громадный архив Любичева был систематизирован, перепечатан и сдан в ленинградское отделение архива РАН.

Получив известие о кончине Любичева в октябре 1972 г., Баранцев вместе с Ю. А. Шрейдером и С. В. Мейеном выехали в Ульяновск. В рамках своего триадного подхода Рэм Георгиевич сообщил мне, что договорились о работе над архивом Любичева в такой последовательности: инвентаризация, хранение, публикация, – и предложил включиться в работу. Баранцев систематизировал архив Любичева по 13 темам и сделал описание наследия Любичева по каждой из тем. Он организовал перепечатку статей и громадного эпистолярного наследия Любичева. Работа растянулась на десятилетия и стала успешной лишь благодаря железной организации со стороны Рэма Георгиевича, а также стараниями последователей Любичева и полной самоотверженностью его замечательной дочери Евгении Александровны Равдель и ее дочери Наталии Папчинской (см.: *Баранцев Р. Г. Люди в письмах*. Т. 3. Граждане науки. М. – Ижевск, 2008).

Выход в 1974 г. книги известного писателя Гранина «Эта странная жизнь» можно сравнить с танковым прорывом в железном занавесе советской идеологии. После этого возможным перейти к нелегкому и долговому пути публикаций отдельных статей научного наследия Любичева. В плотном и непрерывном обмене письмами (до эры интернета), согласовании мы с Рэмом Георгиевичем начали готовить сборник основных биологических и биофилософских работ Любичева по проблемам формы, систематики и эволюции живых организмов. Из архива Любичева я отобрал статьи и собрал основной костяк этого тома, перепечатал и послал Рэму Георгиевичу. Он предложил удачное название [3]. Далее подготовка к печати в Москве в рамках АН, научное редактирование и

большую вводную статью взяли на себя эволюционисты С. В. Мейен и Ю. В. Чайковский. Шаг за шагом книга продвигалась к печати и через восемь лет согласований по всем инстанциям была опубликована в 1982 году [3].

В этом же году в серии «Научно-биографическая литература» вышла книга коллектива авторов «Александр Александрович Любищев» [1]. К сожалению, редакция издательства «Наука» под давлением идеологической цензуры не включила в эту книгу отдельную статью Рэма Георгиевича. Из моей статьи «Критические исследования Любищева в области генетики» редакция исключила упоминания имени Лысенко, погромной Сессии ВАСХНИЛ 1948 года и даже название критического труда Любищева «Что стоит Лысенко». Я спрашивал у Рэма Георгиевича в письме 25.09.1982: «Согласился ли старик на такую степень конформизма в статье о нем, посвященной именно генетике? Не знаю. Но, не желая подводить всех, я согласился на это жуткое кастрирование».

Тут такой социальный парадокс. Лысенко лишился своей официальной монополии в биологии в октябре 1964 года после падения его покровителя генсека КПСС Хрущева («малая октябрьская революция»). Но уже с весны 1965 г. и вплоть до 1987 г. (наступила перестройка) правящая партократия запрещала все негативные упоминания Лысенко. Не проходили в печать никакие упоминания об аресте как «врага народа» и голодной смерти в саратовской тюрьме выдающегося генетика Николая Ивановича Вавилова.

О противостоянии Любищева «лысенкоизму» удалось написать открыто лишь в 1991 году в вышедшей в ленинградском отделении науки книге «В защиту науки» (редакция и комментарии М. Д. Голубовского). Упорными усилиями Баранцева под его редакцией вышли, наконец, в 2000 году две главные философские и историко-научные труды Любищева «Линии Демокрита и Платона в истории культуры» и «Наука и религия» [6; 7]. Рэм Георгиевич также опубликовал в журнале «Звезда» статьи из научного наследия Любищева «Идеология Сент-Экзюпери» и «Апология Марфы Борецкой».

В заключение кратко упомяну о судьбе организованного Рэмом Георгиевичем в Ленинградском университете в конце 1970-х годов Междисциплинарного семинара по семиодинамике. Заседания этого семинара велись с любищевской раскованностью, свободой высказываний. Был подготовлен сборник статей семинара. Партийные надзиратели не только запретили печатание. Они запустили по хорошо известному сценарию машину гонений и травли участников семинара. Их главной целью было выдавить из университета профессора Баранцева. Его лишили права преподавания и ученый совет матмеха ЛГУ не переизбрали по конкурсу. Но сломить любищинский дух Баранцева им не удалось. Они натолкнулись на поразительное достоинство и упорство Рэма Георгиевича, а также поддержку многих людей из научного сообщества страны. Рэм Георгиевич с честью сумел выстоять десять лет остракизма. Документально эта история описана в очерке писателя Я. А. Гордина «Дело Баранцева. Психологический этюд эпохи позднего большевизма» («Звезда», 2000. № 4).

Список литературы

1. Александр Александрович Любищев. 1890–1972 / ред. П. Г. Светлов. Л. : Наука, 1982.
2. Баранцев Р. Г. Любищев в моей судьбе // Теоретические проблемы экологии и эволюции. Тольятти, 2000.
3. Баранцев Р. Г. Люди в письмах. Т. 2: Вокруг Любищева. М. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, Регулярная и хаотическая динамика, 2007. 500 с.
4. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М. – Ижевск, 2005.
5. Любищев А. А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры / ред. и сост. Р. Г. Баранцев. С.-Петербург : Алетей, 2000.
6. Любищев А. А. Наука и религия / ред. и сост. Р. Г. Баранцев. С.-Петербург : Алетей, 2000.
7. Любищев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М. : Наука, 1982.
8. Любищев А. А. Расцвет и упадок цивилизаций / ред. и сост. М. Д. Голубовский, Н. А. Папчинская. С.-Петербург : Алетей, 2005.
9. Семиодинамика : Труды семинара / ред. Р. Г. Баранцев. С.-Петербург : СПбГУ, 1994.

Lyubishchev in the line of life and in the works of Rem Georgievich Barantsev

M. D. Golubovsky

Doctor of Biological Sciences, professor, University of Berkeley, USA. California, Berkeley. E-mail: mdgolub@gmail.com

Abstract. The meeting of Rem Georgievich Barantsev with Alexander Alexandrovich Lyubishchev took place in 1964 at the Leningrad University. A chance meeting at the seminar of A. A. Lyubishchev at LSU turned into many years of cooperation, mutual enrichment and friendship. Under the influence of Lyubishchev's ideas, Barantsev's research

interests moved from the field of problem solving to the space of methodology, to epistemology, beyond the limits of pure mathematics. This allowed him to quench his innate spiritual thirst and desire for independence. Subsequently, A. A. Lyubishchev, noting the extreme propensity of Rem Georgievich to order, honesty and independence in scientific knowledge, appointed him one of the keepers of his archive.

Keywords: memories, Professor Barantsev, Professor Lyubishchev.

References

1. *Aleksandr Aleksandrovich Lyubishchev. 1890–1972* – Alexander Alexandrovich Lyubishchev. 1890–1972 / ed. P. G. Svetlov. L. Nauka. 1982.
2. *Barantsev R. G. Lyubishchev v moej sud'be* [Lyubishchev in my fate] // *Teoreticheskie problemy ekologii i evolyucii* – Theoretical problems of ecology and evolution. Tolyatti. 2000.
3. *Barantsev R.G. Lyudi v pis'mah. T. 2: Vokrug Lyubishcheva* [People in letters. Vol. 2: Around Lyubishchev]. M. – Izhevsk. Institute of computer research. Regular and chaotic dynamics. 2007. 500 p.
4. *Barantsev R. G. Stanovlenie trinitarnogo myshleniya* [Formation of Trinitarian thinking]. M. – Izhevsk. 2005.
5. *Lyubishchev A. A. Linii Demokrita i Platona v istorii kul'tury* [Lines of Democritus and Plato in the history of culture] / ed. and comp. R. G. Barantsev. SPb. Aleteya. 2000.
6. *Lyubishchev A. A. Nauka i religiya* [Science and religion] / ed. and comp. R. G. Barantsev. SPb. Aleteya. 2000.
7. *Lyubishchev A. A. Problemy formy, sistematiki i evolyucii organizmov* [Problems of form, systematics and evolution of organisms]. M. Nauka. 1982.
8. *Lyubishchev A. A. Rascvet i upadok civilizacij* [The rise and fall of civilizations] / ed. and comp. M. D. Golubovsky, N. A. Papchinskaya. SPb. Aleteya. 2005.
9. *Semiodinamika : Trudy seminara* – Semiodinamika: Proceedings of the seminar / ed. R. G. Barantsev. SPb. SPbSU. 1994.